

Первое время было тяжело. Постоянно хотелось курить, и даже по прошествии нескольких месяцев Эран ловил себя на мысли: "Вот бы затянуться разок-другой".

Здесьние сутки длились больше земных, и он с трудом привыкал к всеобщему ритму. Не удавалось привыкнуть и к тому, что его считали не более, чем говорящим животным.

Он жил в просторной стеклянной клетке, в исполинских размеров многоярусном зоопарке, где помимо него обитали тысячи представителей полуразумных и разумных рас, а так же неисчислимое множество диких животных, завезённых из иных миров. В полусотне метров, в остеклённом вольере жила семейка низкорослых прямоходящих жаб, ленивых и тучных, и не смущающихся своим положением. Кегури — так называла их Танару — едва начали изобретать язык, когда их мир был уничтожен. Те, кого Эран видел каждый день за стеклянными толщами, были последними представителями вида. Той же участью Танару грозила Земле.

Каждое утро их беседа начиналась с вопроса:

— Эран, ты что-нибудь вспомнил о Пределах Вечности?

И каждое утро Эран отвечал:

— Танару, я не понимаю, о чём ты.

Всё это превратилось в ритуал, в традицию, ведь Эран и в самом деле не имел понятия, о чём она спрашивала. Он не знал, что такое Пределы Вечности, и ни один образ, который демонстрировала Танару, не вызывал ассоциаций.

— Ну же, Эран! Величественные статуи, айонит, древние строения, возведённые богами?

Эран качал головой.

Он хорошо учился в школе, и что-то помнил из уроков истории, но ни шумерская, ни акадская цивилизации не интересовали Танару.

— Эран, подумай. Иначе они будут искать! Они перероют всю твою планету. Ты этого хочешь?

Этого Эран не хотел.

Бесплодные попытки добиться от него хоть каких-то крох информации заставляли Танару нервно теревить ошейник. Точно такой же ошейник носил Эран. Возможно именно это сближало их.

Когда его разместили в зоопарке, Танару явилась уже на следующее утро. Она стала учить его языку Ло — всеобщему языку Тарктана и всех покорённых миров. Она же стала единственным источником информации о месте, в котором он оказался.

Привыкнуть к внешнему виду Танару было ничуть не проще, чем к длительности тарктанских суток.

Танару походила на инопланетян, какими их рисуют в фантастических фильмах: большая круглая голова, лишённая волос, огромные миндалевидные глаза, крохотный ротик и нос-пуговка. У неё было изящное тонкое тело с короткими плавниками вместо ног, и четыре длинные хрупкие руки. Но сколько бы не был паразителен облик Танару, её способности поражали ещё больше.

При первой встрече она вплыла в клетку, свободно левитируя в воздухе, приблизилась к Эрану и коснулась его руки.

Словно от удара током тело сковало оцепенением. Буря эмоций понеслась сквозь разум, сокрушая и подавляя волю Эрана, его мысли, его Я. Он не мог противиться вторжению, ворох воспоминаний вспыхивал перед глазами безумным фейерверком, а Танару, прикрыв веки, наслаждалась.

Спустя миг, когда она отдернула руку, он упал опустошённый и обескураженный, а в его мозгу зияло новое слово чуждого мира: "Танару".

Оба они были рабами, а их хозяевами — те самые четырёхрукие гиганты, которых здесь называли лоргаты.

Лоргаты требовали, чтобы всё в жилище землянина соответствовало его культуре, поэтому постепенно, когда Эран немного освоил язык, его клетка стала заполняться различными вещами. Так появились стол, кровать, пара стульев, металлические чашки и чайник. Танару посылала ему образы и называла слова, сама читала его память, когда Эран позволял, и с каждым уроком они понимали друг друга всё лучше.

Когда их занятие заканчивалось, и Танару уплывала, покидая ложе до следующего утра, начинался длинный скучный день Эрана.

Каждый день он чувствовал себя бесконечно одиноким, и каждый день ему не удавалось ни часа побыть одному.

Лоргаты приходили к его клетке постоянно. Женщины, мужчины, дети. Все, как один, с мясистыми лысыми макушками, четырёхрукие, мускулистые, в серых облегающих комбинезонах.

Поначалу он стеснялся такого внимания, но потом оно стало его раздражать. И в отместку он исполнял самые похабные танцы, которые только мог придумать.

Он тряс перед лоргатами задницей, хлопал по ляжкам воображаемых девиц, а потом трахал их, но публику это лишь веселило. Они глядели во все глаза и хохотали до истерики, брызжа слюной и катаясь по полу. Потом они уходили, а на их место приходили новые.

Эран быстро устал от этого и давно бы уже прекратил развлекать толпу, но один случай напугал его.

Рядом с вольером, где жили кегури, была клетка, как две капли воды похожая на клетку Эрана. Там, в странном пёстром окружении казавшихся нелепыми предметов, обитала долговязая синяя обезьяна, которая весь день медленно бродила по клетке, или сидела на высоком пьедестале, или спала. Судя по лохмотьям, болтавшимся у гениталий, обезьяна могла быть разумной или полумразумной, но она давно перестала обращать внимание на то, какое впечатление производит, и как выглядит. Вид у неё всегда был отрешённый.

К её клетке подходили один-два лоргата в неделю, а потом и вовсе перестали подходить. Через месяц Эран увидел, как в клетку вошли два молодых воина в сверкающих доспехах и забили обезьяну тяжёлыми зазубренными ножами. Вся её клетка была залита кровью, а пол усыпан клоками синей шерсти.

Эран понял, что жив, только пока развлекает толпу. И он развлекал. С утра и до ночи.

Ночь в зоопарке включали по расписанию. К этому тоже сложно было привыкнуть: в одно мгновение во всём исполинском комплексе гас свет, оставляя глубокий синий мрак, в котором с трудом угадывались очертания предметов.

С одной стороны Эран очень любил "ночь", потому что наконец, после долгого дня, оставался один. Но с другой стороны, ночью от одиночества ему хотелось выть.

Он вспоминал Агату, её нежно-голубые глаза, её светлые волосы и стройные ноги. Воображение уносило его за пределы клетки — на Землю, в девичью постель. Он ласкал Агату, целовал Агату, сжимал Агату в объятиях и припадал губами к её лобку, чтобы секунду спустя двинуться ниже. Потом воображение меняло девушку на Танару.

Эран не знал, что находится у Танару под серебристо-серым комбинезоном — есть ли у неё влагиалище, — но он не раз ловил себя на том, что смотрит на её крохотную грудь, слегка выпирающую под тканью, а по ночам, в мечтах, он стягивал с Танару комбинезон, впивался зубами в крохотные соски, сминал в руках податливую хрупкую плоть, и вонзался в горячий и рыхлый провал между плавниками. Иногда Танару брала его член в рот, и в этом крохотном ротике член казался громадным. В иные разы Танару просто дрочила ему поочерёдно всеми четырьмя руками.

Отчасти поэтому он боялся её прикосновений наутро, ведь она легко могла прочесть воспоминания, и кто знает, как она воспримет эти его фантазии, каждая из которых оканчивалась спешной мастурбацией на коленях за кроватью. Почти всегда, после мастурбации, опустошённый и измученный, он засыпал.

Всё это выматывало и постепенно лишало сил.

Когда Эран сказал Танару, что устал быть экспонатом, он не лгал. Он не мог больше оставаться в клетке, развлекаая лоргатов.

— И чего же ты хочешь? — спросила Танару.

— Хочу что-нибудь делать! Дайте мне дело. Любое, какое угодно дело. Я учился на программиста, я немного разбираюсь в технике, у меня "отлично" по "матану", я могу быть полезен.

Танару посмотрела на него так же, как смотрела Агата в их последнюю ночь:

— Не знаю, Эран. Подумай сам, как долго ты будешь учиться. Да и захотят ли хозяйева учить тебя?

— Не нужно меня учить. Пусть разрешат выходить наружу, и просто читать книги. Это чтобы... чтобы не сойти с ума... и не закончить, как та синяя обезьяна, — Эран кивнул на пустую клетку.

— А что взамен?

Он задумался. Ему нечего было предложить. Всё, что интересовало лоргатов, — это Пределы Вечности, о которых он не знал ничего. Но возможно, если он начнёт читать книги, если пойдёт в библиотеки и получит доступ к местному интернету, то узнает, что такое эти самые Пределы Вечности. И возможно... возможно... вероятность очень мала, но возможно... его отправят на Землю, чтобы он отыскал это мифическое устройство.

— Кажется, Танару, у меня есть кое-что взамен.

<http://tl.rulate.ru/book/4490/166126>